

Л и т е р а т у р а :

1. *Беляев А. Р.* Избранное. – М. : ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 557 с.
2. *Зубова Л. В.* Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. – Л. : Издательство Ленинградского Университета, 1989. – С. 110-114.
3. *Кандинский В.* О духовном в искусстве. – М. : Архимед, 1992. – 109 с. – <http://www.bibliotekar.ru/kandinskiy/6.htm>
4. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 1: А-К. – 671 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – 697 с.
6. Словарь Дома Сварога. Славянская и русская языческая мифология. – <http://www.pagan.ru/slowar.php>

Павлова І. В. Мовні одиниці із значенням кольорово-світлового прояву у тексті.

У статті розглядаються особливості використання мовних одиниць із значенням кольорово-світлового прояву при створенні образу ірреальної істоти. Визначені особливості використання в тексті наукової фантастики традиційної слов'янської кольорово-світлової символіки.

Ключові слова: колір, світло, образ, символ, фантастика.

Pavlova I. V. Linguistic units with colour and light meaning in the text.

The article deals with using of linguistic units with colour and light meaning at creation of image of unreal creature. Features of the use in the text of science fiction of traditional slavonic colour symbolism are determined.

Keywords: colour, light, image, character, science fiction.

Плужникова Т. И.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ЛЕКСЕМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье рассматриваются механизмы развития семантической структуры слова и условия, необходимые для реализации деривационного потенциала лексемы как внутри слова, так и в ходе словопроизводства. Традиционное понимание типов деривации экстраполируется на эпидигматический уровень.

Ключевые слова: лексема, семема, семантическая энтропия, типы деривации.

Отражательная функция языка обуславливает расширение его лексического состава, что происходит и в результате реализации деривационного потенциала уже существующих в языке единиц номинации. Процесс словопроизводства всегда сопровождается изменением семантической структуры мотивирующего генератива. Его формальная сторона может остаться неизменной, как это происходит при лексико-семантическом способе словообразования, но семантическая структура обязательно в той или иной степени видоизменяется.

Именно эпидигматика лексемы (ещё задолго до введения Д. Н. Шмелёвым самого термина) была объектом исследования учёных, начиная с В. фон Гумбольдта. Фердинанд де Соссюр, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики, прямо указывал, что “как только система символов становится независимой от

обозначаемых ею объектов, она со своей стороны подвергается в результате действия фактора времени сдвигам” [4, с. 92]. На русской почве идею В. фон Гумбольдта о внутренней форме слова (образе) успешно развивал А. А. Потебня, который не только соотнес внутреннюю форму слова с внешней (звучание), но и отметил в этой связи факт многозначности слова, обозначил феномен изменчивости значений, выходящий из динамизма языка.

Понимание дихотомии языкового знака не могло не привести языковедов к необходимости анализа корреляции внутреннего содержания слова и его формальной структуры, поэтому выделение И. А. Бодуэном де Куртенэ минимальной значимой единицы языка, названной им *морфемой*, подтолкнуло лингвистов к дальнейшим исследованиям процесса изменения значения слова, установления его причин и закономерностей, являющихся результатом такого изменения, с целью возможного прогнозирования подобных изменений в будущем. Ученики И. А. Бодуэна де Куртенэ В. А. Богородицкий, Н. В. Крушевский, Е. Д. Поливанов, А. И. Анастасиев внесли значительный вклад в исследование взаимосвязи изменений формальной и содержательной структуры слова в ходе исторического развития языка.

Важным методологическим моментом в изучении семантических изменений стало эмическое понимание слова в его номинативном значении: А. М. Пешковским был предложен термин *лексема*, который сейчас используется для обозначения абстрактной двусторонней единицы языка, характеризующейся парадигматическими свойствами.

В речи лексема (при условии её полисемии), как известно, репрезентируется одним из своих значений. Несколько десятилетий назад высказывались две противоположные точки зрения на соотношение лексико-семантических вариантов: одни исследователи считали, что ЛСВ нельзя рассматривать с позиции иерархической упорядоченности, другие говорили о необходимости установления мотивационных отношений между ними. По сути, правы были и те, и другие. Семемы вне речи, то есть как структурные элементы лексем, безусловно, упорядочены. Д. Н. Шмелёв, предложивший термины *семантическая деривация* и *эпидигматика*, обозначил ими именно мотивационно-производные отношения между лексико-семантическими вариантами лексем. Однако на речевом уровне семемы осмысливаются как самостоятельные номинативные единицы, пополняющие лексический запас языка [5], при этом для говорящего совершенно неважно, употребляется ли данное слово для названия одного или нескольких предметов и какой из них первым стали называть именно так. Языковеды же давно и последовательно исследуют закономерности развития семантической структуры лексем, и ими “традиционно выделяются следующие типы изменений значений: 1) метафорические переносы наименований; 2) метонимические переносы наименований; 3) функциональные переносы наименований” [6, с. 57]. В. Г. Гак, создавший стройную концепцию семантических изменений, отмечает, что “переход от наименования одной семантической структуры к наименованию другой семантической структуры может рассматриваться как семантическая трансформация,

подобно тому, как переходы от одной грамматической структуры к другой также называются трансформациями” [3, с. 468]. Необходимо отметить, что наряду с термином *семантическая трансформация*, принятого и в настоящем исследовании, в лингвистической литературе используются также термины *семантический сдвиг*, *семантическая транспозиция* и нетерминированное сочетание *семантические изменения*.

В любом случае они употребляются для обозначения процесса формирования новых лексико-семантических вариантов лексики. Видимо, в этой связи нельзя обойти вниманием случаи так называемого словоупотребления, когда семантические изменения в структуре слова проявляются в речи и не закреплены ещё в системе языка, например, у слова *весна* значение “2. Книжн. Пора расцвета, молодости” уже стало самостоятельным лексико-семантическим вариантом [1, с. 121], а слово *осень* лишь употребляется в этом значении: “[Трад.-поэт. О поре увядания, старости, приближения конца чего-л.” [1, с. 728]. Совершенно очевидно, что в обеих лексемах развитие семантической структуры происходит за счет актуализации прагматического компонента значения в результате рокировки сем: периферийная сема становится ядерной. Но если в случае с *весной* после такой рокировки семантическая структура стабилизируется, то в отношении *осени* можно говорить о своего рода энтропии семантической структуры, исходя из общего понимания термина *энтропия* – (от греч. *en, tropē* – поворот, превращение), который употребляется для обозначения неопределенности ситуации.

По сути, семантическая энтропия является предпосылкой для словообразования как в результате семантических трансформаций слова, так и междусловной деривации. Однако при семантической трансформации, приводящей к изменениям в семантической структуре лексики, эти изменения не получают формального выражения, что является классификационным признаком внутрисловной деривации, отражающей асимметрию языкового знака.

В том случае, если сема, занявшая ядерное положение в результате рокировки сем, стремится к экспликации и в языке есть структурные элементы для её формального выражения, происходит акт уже междусловной деривации, которая, по сути, направлена на преодоление асимметрии языкового знака. Семантические изменения, происходящие в этом случае в мотивирующей основе, могут быть в разной степени значительными, в зависимости от чего и определяется тип деривации.

Цель настоящей работы – соотнести типы деривации, характерные для междусловного словообразования, с типами деривации внутрисловной, то есть с типами семантических трансформаций.

Современная дериватология по-прежнему опирается на две классификации типов деривации, одна из которых была предложена Е. Куриловичем (“Очерки по лингвистике”. – М., 1962. – С. 57-70), вторая – М. Докулилом (M. Dokulil. Ke koncepcí porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti “tvoření slov” // “Slovo a slovesnost”, 1962, № 2). Эти классификации сближают то, что в них учитывается семантическое расстояние между мотивантом и мотиватом. Но Е. Курилович, терминируя типы деривации, ориентировался, по

сути, на то, в пределах какого семантического уровня происходит рокировка сем. Если актуализировались семы, репрезентирующие классему, тип деривации обозначался как синтаксический, поскольку лексическое значение слова, определяемое архисемой, не затрагивалось, менялось лишь его частеречное значение, что сопровождалось транспозицией слова из одной части речи в другую. Соответственно все синтаксические дериваты характеризовались ещё и как производные транспозиционного типа, например, *читать* → *чтение*, *читка*. Если происходила смена архисемы, слово меняло своё лексическое значение, поэтому данный тип деривации назывался лексическим, например, *читать* → *читальня*, *четец*. Такого рода дериваты квалифицируются как производные транспозиционного типа только в том случае, если, как в приведенных примерах, параллельно происходит перестановка сем и в пределах классемы. Лексические дериваты относятся к нетранспозиционному типу, если семантические изменения классему не затрагивают, например, *барабан* → *барабаничик*.

М. Докулил термин *транспозиционный тип* применял только к словам, характеризуемым, по классификации Е. Кириловича, как синтаксические дериваты (то есть без учета того, что смена лексического значения может происходить и при переходе деривата в другую часть речи). Тип деривации, результатом которой являются производные, образующиеся в результате смены архисемы, то есть обладающие лексическим значением, абсолютно отличным от значения мотиватора, исследователь предложил называть мутационным (< лат. *mutatio* – изменение). Несомненным достоинством классификации М. Докулила является то, что исследователь попытался терминировать и тип дериватов, образование которых происходит в результате актуализации сем в пределах лексограммы. Он назвал этот тип деривации модификационным, относя к нему существительные со значением собирательности и единичности: *студенты* → *студенчество*, *горох* → *горошина*; существительные ж.р., образованные от существительных м.р.: *врун* → *врунья*, *учитель* → *учительница*; существительные со значением “детеныш, незрелое существо”: *львенок*, *орленок*, *котенок*; глаголы, выражающие разного рода количественно-временные характеристики процесса: *читать* → *начитаться*, *капать* → *накапать*, *кричать* → *покрикивать*.

Вне обеих классификаций остаются производные, которые различаются стилистической окраской: *тетрадь* → *тетрадка*, *морковь* → *морковка*, *табурет* → *табуретка* и др. Их нельзя отнести к модификационному типу, поскольку в семантике модификатов словообразовательный оператор эксплицирует лексограмму, указывающую на отнесенность деривата к тому или иному лексико-грамматическому разряду, а в парах типа *табурет* – *табуретка* даже экспрессивно-стилистическое различие минимально, хотя можно говорить об актуализации прагматического компонента значения слова.

Очевидно, что эпидигматы, то есть слова, возникшие в результате развития эпидигматической структуры слова, все относятся к нетранспозиционному типу деривации, поскольку остаются той же частью речи, что и мотиватор.

При метафорической мотивации, например *нос человека – нос корабля*, обе семемы относятся к одному лексико-грамматическому разряду конкретных существительных, но классема 'предметность' в первом слове реализуется в семе 'существо', а во втором – в семе 'предмет'. Актуализация этих сем, естественно, происходит в контексте, где они эксплицируются в словах соответствующей семантики. Следовательно, семантическая транспозиция, основанная на метафоризации, приводит к появлению эпидигматических модификатов. Надо отметить, что отдельного рассмотрения требуют лексико-семантические варианты, возникшие в результате метафоризации исходного значения, с учетом вида самой метафоры – номинативной, когнитивной и образной.

Перенос же значения на основе сходства выполняемых функций, видимо, сопровождается мутацией исходного значения, например, *счётчик* (человек) и *счётчик* (прибор): мотиватор и эпидигмат имеют разные архисемы.

При метонимическом переносе, возможно, необходимо учитывать разновидность метонимии, например,

1) материал – изделие: *золото* “1. Химический элемент, благородный тяжёлый мягкий ковкий металл жёлтого цвета” и “2. Изделия из этого металла” [1, с. 369]. В разных значениях слово *золото* не только относится к разным лексико-грамматическим разрядам, то есть в его семантической структуре актуализируются разные лексограммемы, но и характеризуется разными архисемами, поэтому имеет место мутация исходного значения;

2) действие – результат этого действия: *литьё* – “1. Определённое действие, названное глаголом *лить* /в значении “делать, изготавливать что-л. из расплавленного вещества” – Т.П./ 2. Литые металлические изделия” [1, с. 500]: в ЛСВ₁ слово относится к разряду абстрактных существительных, а в ЛСВ₂ – к собирательным, то есть они различаются лексограммемами и относятся к разным семантическим полям, то есть различаются архисемами, что говорит о мутации исходного значения;

3) действие – место: *зимовка* – “1. Определённое действие, названное глаголом *зимовать* /в значении “проводить где-л. зиму, оставаться где-л. на зиму” – Т.П./ 2. Место или помещение, где зимуют, живут или останавливаются зимой” [1, с. 365]. *Зимовка* в первом значении – абстрактное существительное, во втором – конкретное, следовательно, дифференциальными семами являются лексограммемы, но, кроме того, архисема ЛСВ₁ – 'время', а ЛСВ₂ – 'место', следовательно, имеет место мутационный тип деривации.

Видимо, непроизводные и производные полисеманты по-разному характеризуются в плане семантических трансформаций. Последние “отягощены” формально-семантической связью со своим мотивирующим генеративом, который определяет внутреннюю и внешнюю форму деривата. Например, слово *вход*, образованное от глагола *входить*, обозначает определённое действие, и это значение выражено с помощью нулевого суффикса. Затем у него развивается значение “2. Место, через которое входят куда-то” [1, с. 165], но у нулевого суффикса нет

локативного значення і он усекається, в результаті чого два лексико-семантичних варіанта однієї лексеми мають різну морфну структуру. В предыдущем примере у слова *зимовка* в обоих приведених примерах морфная структура видимо однаковая – *зим-ов-к-а*, но суффикс *-к-* эксплицирует разные деривационные значения: в ЛСВ₁ – опредмеченное действие, в ЛСВ₂ – помещение, предназначенное для осуществления действия [3, с. 236], то есть эпидигматы относятся к разным словообразовательным типам, так же, как слово *литьё* в разных значениях: суффикс *-j-* в ЛСВ₁ обозначает опредмеченное действие, а в ЛСВ₂ – имеет деривационное значение собирательности.

Подобным образом можно и нужно анализировать и другие виды метонимии. Однако необходимо обратить внимание на “степень удаленности” производной семемы от исходного значения. Например, слово *окно* имеет первичное значение “1. Отверстие в стене здания или какого-н. транспортного средства для света и воздуха”, а также производную семему “4. разг. Ничем не занятое время, промежуток, разрыв в расписании лекций, уроков” [1, с. 708]. Архисема ЛСВ₁ – ‘пространство’, архисема ЛСВ₄ – ‘время’, то есть произошла мутация. Можно предположить, что именно мутационный тип деривации создает предпосылку для распада многозначности до омонимии.

Итак, сопоставляя эпидигматы и дериваты, можно экстраполировать типы деривации, присущие производным словам, образованным от других слов, на мотивационные отношения между лексико-семантическими вариантами многозначного слова. Такого рода исследования до настоящего времени не проводились, что определяет перспективность данного вектора научного поиска.

Л и т е р а т у р а :

1. Большой толковый словарь русского языка [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : “Норинт”, 2004. – 1536 с.
2. Гак В. Г. Лексико-семантические преобразования / Владимир Григорьевич Гак // Языковые преобразования. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1998. – С. 453–511.
3. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 636 с.
4. Соссюр де Ф. Заметки по общей лингвистике / Фердинанд де Соссюр : [пер. с фр. и коммент. Н. А. Слюсаревой]. – М. : Прогресс, 1990. – 280 с.
5. Шмелёв Д. Н. О третьем измерении лексики / Д. Н. Шмелёв // Русский язык в школе. – 1971. – № 2. – С. 6–11.
6. Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелёв. – Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 244 с.

Плужникова Т. І. Лексема крізь призму семантичних змін.

У статті розглядаються механізми розвитку семантичної структури слова та умови, за яких можлива реалізація дериваційного потенціалу лексеми як в середині слова, так і у словотворі. Традиційне розуміння типів деривації екстраполюється на епідигматичний рівень..

Ключові слова: лексема, семема, семантична ентропія, типи деривації.

Pluzhnikova T. I. Lexeme through a prism of semantic alteration.

The mechanisms of development of the word's semantic structure and the necessary conditions for realization of derivational lexeme's potential (in a word and during word creation) are considered in the article. The traditional understanding of types of derivation is extrapolated on epidigmatic level.

Keywords: a lexeme, a sememe, semantic entropy, types of derivations.